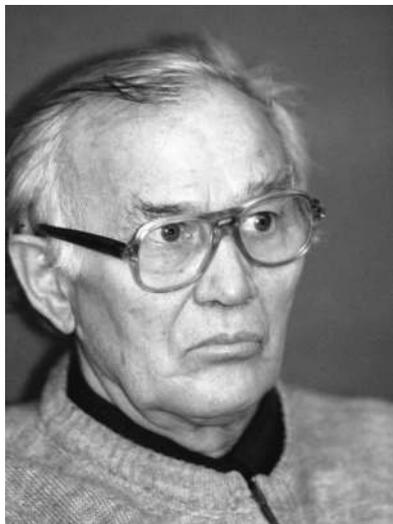

Иркутская хрестоматия

100 лет со дня рождения

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВ

Позади фронта

ГЛАВА ИЗ ПОВЕСТИ

Чтобы не выставлять много часовых, заняли два крайних дома. Пока разгружали машины, связистки Попова и Утюжникова приготовили ужин — скороварку

СЕРГЕЕВ Дмитрий Гаврилович (1922–2000) — русский советский прозаик. Член Союза писателей СССР с 1966 года. Член Союза российских писателей. Заслуженный геолог РСФСР. Родился в Иркутске 7 марта 1922 года. Окончив школу, в начале Великой Отечественной войны был призван в армию. В 1942 году, после окончания Омского пехотного училища, в звании младшего лейтенанта был направлен на Брянский фронт командиром стрелкового взвода. С 1943 года воевал в составе Первого Белорусского фронта, дошёл до Берлина. Награждён орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина». После войны поступил в горно-металлургический институт. Двадцать лет провёл в поисковых и съёмочных партиях. Писать начал ещё в школе, занимаясь в литературном кружке, которым руководил Георгий Марков. Первые публикации — рассказы «Две ночи» и «Люди прифронтовой полосы» — появились гораздо позднее, в 1957 и 1958 годах в альманахе «Новая Сибирь». После участия во Всесоюзном литературном семинаре в Чите в 1965 г., вошёл в так называемую «Иркутскую стенку». В 1989 г. возглавил Иркутское отделение Союза писателей СССР. В 1995 году получил звание Почётного гражданина города Иркутска. Работал в разных литературных жанрах: военная проза, историческая проза, фантастика, детская литература. Одна из наиболее известных книг писателя — повесть о войне «Позади фронта» (1967). Автор книг: «Осенние забереги» (1967), «В сорок втором» (1966), «Отвлекающий манёвр» (1974), романа «Заспанной полк» (1992) и др. Скончался 22 июня 2000 г. в Иркутске.

из сухарей и консервов. Хозяйка перебралась в боковушку, отделенную от остальной избы русской печью и ситцевой ширмой. Солдаты помогли ей перетащить громоздкую раздвижную койку, скроенную из широченных тесовин и шести круглых поленьев. Матрац заменяла солома, от давности перемятая в труху. На чудо-кровати вместе с женщиной гнездились трое пацанов. Они так и не пробудились, несмотря на суматоху и гам. И только запах горячей пищи поднял их. Мальчик постарше и бойчее других прильнул к прорехе в занавеске и смотрел, как женщина в солдатской одежде разливала пахучее варево по мискам. Ребятам на троих выделили посудину — котелок, и наполнили до краев.

Ночь Копылов прокрутился с боку на бок, спал урывками. Завтра он впервые в жизни будет выполнять боевое задание самостоятельно. Впрочем, «боевое» — это только так говорится, чего уж там боевого: таскаться из избы в избы, уговаривать женщин идти на аэродром распахивать снег. Силами одних солдат летную полосу не расчистить к сроку.

Новая, еще не перешитая, солдатская шинель служила Копылову постелью — тюфяком и одеялом одновременно. За ночь лейтенант собственными ребрами изучил все зазоры между кособокими половицами.

Еще не светало, когда Сидельников и Копылов вышли из теплой избы. Стало даже темнее чем ночью: зашла луна. Приземистые дома, сонно чернея, терялись в перспективе сельской улицы. Деревню поделили пополам: Сидельникову правый порядок, Копылову — левый.

Плотная чернота опустилась на самые крыши. Окна домов пламенели изнутри, в пещерной глубине огромных — в пол-избы — печей полыхали поленья. Запах печеной картошки расплзался понизу.

Копылов так и не нашарил в сенях дверную ручку. Наудачу потянул на себя обрывок рогожной мешковины — дверь распахнулась. Алое пламя и мутные тени метались в жилой пустоте.

— Можно к вам? — громко спросил он, перешагивая порог.

Пожилая женщина вздрогнула и посмотрела на Копылова. Слепленная печным заревом, она не видела, кто вошел. Жар из печи накалил ее лицо.

Разило прелым духом и псиной. Половина избы, по низу перегороженная плахами, засыпана была картошкой. На лавке под окном, свесив ноги, сидела девочка лет шести. Услышав голос чужого человека, она тоже перепугалась, изловила за шею длинноногого неокрепшего телянка. Он пытался от нее, норовя высвободиться, но детские руки держали цепко.

— Ну, молодая, встречай гостя! — бодро проговорил лейтенант заранее припасенную фразу. — Стол накрывать не нужно: гость сытый. Одевайтесь, пойдем аэродром от снега расчищать. — Не закончив еще говорить, понял: слова, сказанные им, прозвучали фальшиво, ненатурально — вовсе он не умел быть развязным.

Женщина прислонила ухват к печи и, шурясь, но все еще не разглядев Копылова, смотрела в сторону двери. Лейтенант шагнул, свет из печки упал на его погоны.

— Здравствуйте, — робко проговорила женщина и торопливо, неумело поклонилась. — Сесть вот у нас не на что — разве на лавку?

— Чего же вы испугались? Не фашист ведь — свой, — сказал он с досадой. — Место под аэродром выбрали возле деревни, нужно летное поле расчищать: завтра самолеты начнут садиться.

— Да разве ж я против, — заторопилась женщина, вряд ли толком разобрав, про какой такой аэродром идет речь, поняв одно только: офицер пришел звать ее

из дому на работу. — Так вот они, — показала на девочку с теленком, — за ними кто доглядит?

— Отведите девочку к знакомым.

Женщина молча глядела в угол.

— Ладно уж, — решила она. — Глашка, соседская девка, присмотрит. Только вот чугуном направлю: Гланьке-то не под силу — за ней самой догляд нужен.

— Вот и порядок! — Копылов обрадовался, что так скоро уговорил женщину, ему захотелось сказать ей что-нибудь отрадное, напомнить, что самое худшее позади — немцев прогнали. Он не знал только с чего начать.

— С хозяйством одна управляетесь?

— Одна маюсь. Кто еще? Мужик, не знаю, и жив ли.

— До войны хорошо жили?

— Как же, — сразу согласилась она, — последний год по тридцать копеек на трудовень пришлось.

— По тридцать копеек!

— Много не скажешь, — признала женщина, верно поняв его восклицание. — Так ведь и тридцать копеек в грязи не валяются. Без них ни соли, ни спичек. По загнетам угли храним, друг ко дружке за огнем бегаем. В ваших-то местах, откуда родом, больше на трудовень приходилось?

— Н-не знаю. Я в деревне не жил. Только в пионерском лагере. Немцы у вас были? — перевел он разговор на другое.

— Стоять не стояли, а приезжали на машинах два раза.

— Грабили?

— Яички, сколько было, забрали, да петуха пристрелил косоротый фриц один. Больше-то не нашли чего взять. У нас, по совести сказать, цыганам и тем нечего украсть.

Копылов вспомнил про свое второе задание.

— Можно тут найти женщину, у нас в столовой работать?

— Надолго, или пока здесь стоять будете?

— Насовсем. В штат зачислим вольнонаемной, на довольствие поставим и обмундирование дадим, только без погон.

— Трудно такую найти. Если бы на месте... Бабы-то больше все детные, да и побоятся.

— Чего же бояться?

— Да уж так, привыкли бояться. От места будет страшно отрываться: дальше соседнего села редко кто был, а тут вовсе уехать.

Во втором доме печь не топилась, было тихо и холодно. Копылов решил уже, что попал в нежилую избу, когда у стены послышался шорох. Лейтенант щелкнул зажигалкой. Из-под лохмотин, скученных в углу на соломе, высвободилась стариковская голова, по-бабьи подвязанная платком — не будь редкой бороденки, можно было посчитать за старуху. Дед с тупым безразличием глянул на огонек и снова нырнул под ватники.

Скрипнула дверь — вошла женщина с охажкой поленьев, громыхнула дрова на пол у печки. Устало, трудно дыша, села на скамью.

Лейтенант начал было объяснять, что нужно от нее, но женщина не дала ему кончить.

— Там написано, — показала она рукой на окна. — Иди, иди! Нельзя к нам. — Она произнесла это таким тоном, что он сразу поверил.

В темноте едва разглядел нацарапанное мелом на ставне короткое слово «тиф». Потом уже, прежде чем заходить в избу, смотрел на ставни. Еще несколько домов были помечены мелом — тиф!

Он обошел все дома до края деревни и возвращался в штаб. Окна, озаренные изнутри, выделялись уже не так сильно — светало. Дым стлался понизу. Старенький ЗИС-5, всхлипывая разношенным кузовом, катился посредине улицы, громяхая рессорами на отвердевших рытвинах; изредка останавливался. Женщины, подсаживая друг дружку, карабкались в кузов. Сидельников высовывался из кабины, озорно подбадривал их. Редкая отвечала ему.

У старшего лейтенанта Сидельникова вовсе не фронтовая должность — он начальник КЭЧ — квартирно-эксплуатационной части. В БАО он попал еще под Сталинградом. Его рассказы о том времени поражают Копылова: из всей зимней кампании сорок второго—сорок третьего года Сидельников запомнил одну туляремию — в БАО тогда чуть не каждый переболел. Начальник КЭЧ рассказывает про туляремию так, будто под Сталинградом ничего кроме нее и не происходило. Он искренне убежден, что Копылову повезло: в БАО попадают или по блату, или удачливые: как-никак второй эшелон.

— Эй, командир, к нам почему не завертываешь? — окликнули Копылова из сумрака. Женский голос был неожиданно бодрым и звонким.

На пустыре нечетко маячили две фигуры. Когда подошел ближе, одна из них обернулась остовом печной трубы, вторая — обгоревшим дверным косяком. Женщину заметил, когда она вторично подала голос. Сидя на корточках в бывшем подполье посреди пепелища, она саперной лопатой разгребала золу, отыскивала не совсем обугленные картофелины, кидала в ведро. Мерзлая картошка стучала, как галька. Женщина наполнила ведро и распрямилась. Одета она была в старый полушубок с ременной опояской вокруг талии.

— Нас почему обходишь? — снова спросила она. — Всех на подмогу зовете, а мы не в счет?

— Это ваш дом?

— Был. Зажигалка упала — едва повыскакали. Из всей деревни одни пострадали. — В голосе не было ни сожаления, ни обиды.

— Где теперь живете?

— А и то занято. Только не живем — перебиваемся. Идем — поглядишь. — Легко выпрыгнула из ямы, варежками отряхнула с полушубка комья грязного снега. Из-под платка сверкнула любопытным взглядом. Подхватила ведро с картошкой и крупно зашагала к сараюшке в глубине двора. Копылов направился следом.

Из жердяной крыши сарайчика торчала железная труба. Дым прижимало книзу, он скатывался по настилу крыши на землю. Стены сарая были утеплены: почти на метр от земли закиданы свежим навозом.

— Входи, не робей, — пригласила женщина, ногой отворяя дверь.

Свет выбивался из отверстий, пробитых гвоздем в печной дверце. Тускло серело продолговатое, на ширину бревна, единственное оконце. Кто-то невидимый сипло и молчаливо дышал. Присмотревшись, Копылов разглядел старуху, совсем тощую, будто из одних костей собранную кое-как. Она дремала, сидя на низкой чурке спиной к печке. Возле подола старухиной юбки ползал карапуз.

— Тут и живем, — громко объявила молодая. — Нравится, нет?

— Почему не поселились к кому-нибудь? Пустили бы.

— Вызимуем. До весны дотянуть, не околеть — там веселее пойдет. Тут ка-

кой-никакой угол, сама себе хозяйка, а в чужом доме на приступочке будешь. В других деревнях не так еще мыкаются: Котловичи вон — от нас семь верст — под корень немцы спалили. А живут. Куда деваться?

— Натерпелись, выходит, от фрицев, а не видно, чтобы своим радовались.

— Да уж добра от немцев немного видали. А своим, отчего ж не радовались? — Радовались. Когда первых увидали, обнимали и целовали. Вам-то уж что осталось. Да и сколько можно радоваться? Жить надо. — Женщина открыла дверцу печки, подпалила лучину и воткнула ее в паз между бревнами. — Садись, — показала на свободный чурбак. — Стоишь-то впригиб.

Раскинув полы шинели, Копылов сел на полено.

Голозадый ползунок тянулся ладошкой к пышущему раскаленному боку печки. Старуха молча оттаскивала его за рубашонку. Молодуха вывалила картошку из ведра в угол — там уже дымилась прелым духом ссыпанная прежде.

— Нам в офицерскую столовую нужен помощник повара, — сказал Копылов, решив про себя, что на этот раз угадал: нашел что нужно. — Работа, правда, не легкая, особенно вначале: придется в солдатской кухне помогать.

— Работой не напугаешь. Да не смотри на меня так, мама, — рассердилась она вдруг на старуху. — Не чужие, свои зовут.

Бабка не проронила ни слова, только поглядывала на них попеременно.

— Вы разве против? — спросил лейтенант у старухи.

— Ни-ни. Ее это дело, не мое.

— Сама сыга буду и Ванятка прокормится возле. Много ли ему? — не объест, — вслух рассуждала женщина. — А до урожая, как ни исхитришься, не протянем. Картошки-то вот и вся. Лучше столовой ничего не придумаешь. Свекровка это, — прибавила она, поясняя Копылову.

Лейтенант глядел на пацана, только теперь уяснив роль этого крохотного человечка. Сразу он не подумал: куда же его? — и теперь не знал, как еще посмотрит начальник штаба, если он самовольно примет детную женщину. Но идти на попятный тоже не захотел — будь что будет.

— Значит, договорились. А то мне все твердят одно: «Не пойдет никто: бояться».

— Это верно — бояться.

— Чего же им бояться?

— Привыкли.

— Опять привыкли. Ты почему не привыкла?

— Не я одна, поискать — найдутся. Так вот, не захотела бояться. А другим бояться привычнее: спросу с себя меньше.

Женщину звали Катериной Коноплянкой. Она была здешней уроженкой, лет ей столько же, сколько Копылову. Всему этому приходилось верить на слово: никаких документов у нее не было. Для начала Коноплянскую определили в солдатскую столовую помогать на кухне дежурным. К продуктам, правда, не допустили, пока медкомиссию не прошла. Но и черной работы хватало: дрова колоть, воду из колодца носить, котлы после каши отчищать...

За день Копылов несколько раз встречался с нею мимоходом.

— Заходи вечером, вдвоем поскучаем, — сказала она, столкнувшись с ним на крыльце, и проплыла мимо, рассчитанным движением направляя коромысло в притворенную дверь.

«На нее гимнастерку с юбкой, да сапоги по ноге — фигура не хуже, чем у Шуручки Чабанец из санчасти», — подумал он.

Копылов всего два месяца назад прибыл в БАО. Все, что было в его жизни до этого, уместилось в нескольких строчках на листке из ученической тетради — «Автобиография лейтенанта Копылова Федора Сергеевича».

До войны школа, зимой сорок первого — сорок второго — пехотное училище. Потом два месяца в топких болотах за Сухиничами наживал чирьи. Осколок немецкой мины спас его от бронхита и фурункулов. Рана заросла быстро, и его отправили в запасной полк, оттуда он попал на спецкурсы. Потом полтора месяца изнывал от безделья и казарменного режима в резерве, пока, наконец, не пришло назначение в БАО, помощником начальника штаба.

К своим обязанностям шифровальщика он пока не приступал: не были еще получены документы, занимался чем придется. Особенности службы в БАО он не знал, поэтому на новый аэродром его отправили старшим комендатуры выполнять общее руководство, а точнее: составлять ежедневные сводки и помогать другим офицерам, у которых дел было невпроворот.

Федор дотемна засиделся в штабе. Место для временного аэродрома выбрано было неудачно: не было хороших подъездных путей, да и жилья не хватало в деревне, чтобы разместить службы БАО и авиаполк. Плюс к этому часть изб нуждалась в санобработке, а больных не всех еще эвакуировали в госпитали. Про все это он составил подробное донесение на имя командира БАО и начальника штаба.

Квартиру себе он занял наискосок от временного штаба — там нашлась свободная клетушка за дощатой переборкой. Ложиться спать было еще рано, и он решил пойти к Катерине — сама приглашала. Не хотелось только встречать старуху-свекровь, которая уж верно заподозрила неладное. Только напрасно: никаких определенных намерений у Копылова не было — просто нужно было на что-то убить вечер.

В ночи Катерина сараюшка выдавала себя мощным гудением растопленной печи. Открыл скрипнувшую дверь, обитую изнутри соломенным матом, и шагнул в чадную полутьму.

— Вечер добрый.

Старуха дремала, сидя на прежнем месте, где он застал ее утром.

— Умаялась, — сказала она, показав в темный угол, где была постель.

— А я вам лампу принес, — объяснил он, вынимая из кармана шинели самодельную коптилку из снарядной гильзы, заправленную соляройкой. От зажигалки подпалил фитиль, копоть потянулась к потолку.

Катерина, подобрав колени к груди, лежала лицом к стене, мальчик спал, уткнувшись носом в соломенный тюфяк. Женщина услышала чужой голос и села на постели, поправляя вскудлаченные волосы.

— Не разберу, что стряслось: остыла что ли? — подавляя зевоту, сказала она.

— Работа тяжелая, — неискренне посочувствовал лейтенант.

«Черт меня дернул притащиться!» — подумал он про себя.

— Лампу вот принес, — вторично сказал он. — Все лучше лучины. Когда фитиль обгорит, меньше станет коптить.

— Экая невидаль: работа. А то до вашей столовой отдыхала? Остыла! — Катерина пыталась храбриться, но вид у нее был измотанный, глаза туманились безразличием ко всему на свете.

Такой взгляд он уже видел утром на лице тифозного старика.

— Да у тебя тиф! — догадался он, пугаясь: вдруг почудилось, что у него самого насекомые уже зудят под гимнастеркой — весь день шатался по домам, могли заползти.

— Тиф?! — обиделась Катерина, и глаза ее блеснули осмысленно. — Типун на язык. Остыла! С жару на холод помоталась целый день — и остыла. А то придумал: тиф!

Но, как она ни храбрилась, вялые и сонные жесты выдавали серьезную болезнь. Он был убежден — тиф.

— Выздоровливай, — кинул он через плечо, и, уже выйдя из жердяной хижинки, краем глаза поймал, как женщина снова ткнулась лицом в постель, прежде даже, чем за гостем захлопнулась дверь.

Из синей тьмы черным призраком выступала кирпичная труба на пепелище. Позади, в Катерининой халупе, надсажалась железная печь, сильная тяга вышвыривала в небо россыпь мгновенно гаснущих искр. Притихшие дома разбрелись вдоль улицы, придавленные тишиной и необъятностью зимней ночи.

Старший лейтенант медслужбы Синьков с амбулаторией расположился в доме на краю. Все прежние запахи в избе были вытравлены йодом и карболкой. Синьков разутый, но в одежде лежал на кровати поверх армейского одеяла и при свете перелистывал трофейный немецкий журнал с фотографиями хорошеньких манекенщиц на каждой странице.

— Обоим нам вломят по выговору: нельзя было принимать ее без осмотра, — спокойно рассудил он, выслушав Копылова, бросил журнал и стал обуваться.

Копылов привел его на место, но сам не стал заходить в лачугу.

— Пользы там от меня никакой — нужен врач.

Назавтра Коноплянскую на попутной машине отвезли в госпиталь для тифозных. Копылов хотел навеститься в Катеринину избушку и временной своей властью переселить старуху вместе с пацаном куда-нибудь к соседям: одна она и дров не наготовит. Из-за того, что он был знаком с Катериной, ему казалось, что доля ответственности за судьбу малыша легла и на него.

Времени заскочить к ним он так и не выбрал: получили приказ остановить все работы на аэродроме и перебазироваться в другое место. В суматохе Копылову стало уже не до Катерины, не до ее старухи с пацаном.

Вспомнил про них, когда выехали из деревни. Разложив на коленях пятикилометровку, лейтенант сидел в кабине головной машины. До темноты нужно было успеть выбраться на шоссе. Колесили проселками через лес.

Внезапно из кустов по передней машине стеганула автоматная очередь — в Копылова угодили сразу две пули...